

Ирина Михайлова

Курский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра литературы
305000 Курск
ул. Радищева, 33

Элегические традиции в лирике поэта В. В. Бородаевского

Данная статья посвящена рассмотрению элегических традиций в лирике Валериана Валериановича Бородаевского (1874–1923), одного из малоизученных поэтов так называемого «второго ряда» эпохи Серебряного века.

В начале XX столетия Бородаевский довольно ярко заявил о себе сборниками *Страстные свечи* (СПб., 1909), *Элегии, оды, идиллии* (СПб., 1909). Одним из первых о стихотворениях Бородаевского отозвался Вячеслав Иванов, обративший внимание на самобытность поэта:

[...] на [...] свойственный собственно ему присущий тон, на то, что форма его стихов [...] привлекательна соединением обдуманности и решительности, своею емкостью, весомостью и своеобразною остротой эстетического действия¹.

Были и другие, весьма противоречивые, не сводившиеся только к похвалам, отзывы, данные В. В. Розановым, Н. С. Гумилевым, Ю. Н. Верховским, В. Я. Брюсовым и другими «братьями по цеху». В конце XX столетия творчество Бородаевского привлекло внимание Ю. М. Гельперина, оценившего «высокую стиховую культуру поэта»², М. Л. Гаспарова, который отметил, что «стихи тяжелые и напряженные, ориентируются на традицию философской лирики Ф. Тютчева и Е. Боратынского»³. Тем не менее творчество Бородаевского до сих пор не являлось материалом исследования, исключение

¹ В. И. Иванов, *Предисловие*, [в:] В. В. Бородаевский, *Посох в цвету: Собрание стихотворений*, сост., подгот. текстов Ю. Бугровым, А. Бородаевским, И. Михайловой, В. Резвым, послеслов. и коммент. Е. Глухой, Москва 2011, с. 275.

² Ю. М. Гельперин, *Бородаевский В. В.*, [в:] *Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь*, Москва 1989, т. 1, с. 314.

³ М. Л. Гаспаров, *Русский стих 1890–1925 годов в комментариях*, Москва 1993, с. 193.

составляет рассмотрение в отдельных работах некоторых особенностей его поэтики⁴. Освоение и развитие Бородаевским элегического жанра тоже еще не получили должного изучения.

Следует сказать, что Бородаевский вошел в литературу как поэт религиозно-философского склада, примыкавший «к неоклассическому направлению, сложившемуся в рамках символизма в эпоху его кризиса и распада, когда пафос новаторства сменился пафосом преемственности»⁵. Для поэзии данного направления, выросшего из богатой культурной «почвы», характерны многочисленные реминисценции из литературных эпох, подчас далеко отстоящих от символизма во временном отношении. И в творчестве поэтов, по мнению В. Н. Орлова:

[...] при всей зависимости их от культуры декаданса, обнаруживаются также и связи с традициями русской поэтической классики, – пусть зачастую слишком тонкие и хрупкие, но, тем не менее, свидетельствующие о силе и притягательности этих традиций⁶.

Сказанное в полной мере относится и к Бородаевскому, культивировавшему элегический жанр, ориентированный прежде всего на традиции романтической поэтики. В самой природе жанра элегии кроились некоторые особенности, которые весьма своеобразно актуализировались и оказались востребованными именно в начале XX века. Если как основной признак жанра выбрать определение, данное В. Г. Белинским, – «элегия, собственно, есть песня грустного содержания»⁷, т. е. определяющая «содержательная» стихия – грусть, то этот формальный признак в полной мере имеет место быть в произведениях Бородаевского. В его элегиях тоже переданы «печаль опустошенная затихающей души», «терзания неутолимого огня», «сладкая тоска, сжигающая грудь»:

Одну зову – зову мою тоску
Затем, что звать не смыслю милой.
Затем, что в одиночестве моем
Раскроется цветок сердечной боли⁸.

В стихотворениях поэта явно узнаваемы традиции элегий М. Ю. Лермонтова, А. А. Фета, да и сам Бородаевский неоднократно признавался в прямом влиянии на него поэзии Е. А. Боратынского, Ф. И. Тютчева. Преобладающим в произведениях Бородаевского является грустное настроение, но источник

⁴ См. подробнее: И. П. Михайлова, *Художественный мир поэта В. В. Бородаевского*, Орёл 2010.

⁵ Ю. М. Гельперин, *Бородаевский В. В...*, с. 315.

⁶ В. Н. Орлов, *Перепутья*, Москва 1976, с. 178.

⁷ В. Г. Белинский, *Полное собрание сочинений*, Москва 1954, т. 5, с. 50.

⁸ Здесь и далее стихотворения В. В. Бородаевского цитируются по изданию: В. В. Бородаевский, *Посох в цвету...*

грусти несколько иной, чем у его предшественников. Если в элегиях начала XIX века печаль и уныние присутствуют при изображении всего мира вообще (несправедливость бытия, пороки общества, безысходная тоска), то в элегиях Бородаевского (при том, что он обращается к классическим традициям) «печаль» вызвана восприятием мира лирическим героем. В качестве примера приведем строки из элегии *Вкруг колокольни обомшлой*, где возникает такая поэтическая картина:

Вкруг колокольни обомшлой,
Где воздух так безгрешно тих,
Летают траурные стрелы
Стрижей пронзительных и злых.
Над кровью темного заката
Склоненных ив печаль светла.
И новых стрел душе не надо:
Душа все стрелы приняла.

Мотивом сумерек, темноты – *кровь темного заката* – подчеркнуто одиночество героя; смирение перед жизнью, перед ударами судьбы – *душа все стрелы приняла* – образом *склоненных ив*. Автор переносит акцент с эмоционального познания мира на его постижение душой. Слово «душа» – одно из ключевых в поэзии Бородаевского (но по количественным показателям в 3 раза уступает слову «сердце»)⁹.

Чувство одиночества, вызванное пониманием несовершенства мира, усугубляется раздвоенностью в выборе *неба и земли, тьмы и света*. По словам Бородаевского: «Парадоксальная гармонизация света и мрака, ведущих трагическую борьбу в душе человеческой, – вот что прежде всего представало [...] как задача лирического восприятия мира»¹⁰. Не случайно в его произведениях, как отмечает М. А. Бобунова: «Признаковый мир представлен прилагательными с широким семантическим полем: *белый и черный*. К ним примыкают колоративные наименования *алый и голубой*»¹¹.

В *Ранней обедне* тоже нашло свое отражение трагическое мировосприятие автора:

Яростная буря воеет неустанно,
Бьется в стекла церкви льдистое крыло...
И зачем так холодно? И зачем так рано?
И зачем дороги снегом замело?

⁹ М. А. Бобунова, [в:] *Авторские миры в художественном тексте XIX–XX веков*, Курск 2014, с. 200.

¹⁰ В. В. Бородаевский, *Автобиография (Архив С. А. Венгерова)*, РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 7, № 586.

¹¹ М. А. Бобунова, [в:] *Авторские миры в художественном тексте...*, с. 201.

Очевидно, что в данной элегии автор представляет свое понимание мира земного, символизируемого описанными в нем стихиями, и мира Божественного, который символизирует церковь. Мир земной для него – буря, лед, холод. От приведенных строк веет безысходностью: злые стихии, царящие в мире земном, заматают дорогу к миру Божественному. Человек не может противостоять этим стихиям, а потому вынужден жить с ними, воспринимая Божественный мир как недостижимый идеал, желанный, но недоступный.

Элегическая эмоция сохраняется в произведениях Бородаевского, посвященных миру русской дворянской усадьбы. Мотив утраты усадьбы своеобразно моделирует восприятие: настоящее далеко от идеала, переживание реализуется как воспоминание, вызывающее к жизни тени прошлого. Таким образом, предмет элегии становится не сама утрата, а рефлексия утраты. Поэтому переживание окрашено в сложные тона: с одной стороны, горечь по поводу того, что ушло безвозвратно, а с другой – тихая радость при воспоминании о том, что было мило сердцу. Кругом витают тени «близкого былого»:

Про одно забытое,
Что нельзя забыть,
Про одно изжитое,
Что нельзя изжить...

В стихах, включенных поэтом в цикл *Интимные лики*, оживает неповторимый мир дворянской усадьбы. Это и дом дедов, «хранящий тайны былого и тонкий аромат красивого порока», и гостиные, в которых когда-то кипела жизнь, и портреты родных и близких на стенах в кабинетах, где «на блеклом бархате резных огромных кресел так светел воск лица». Автором отобраны детали, связанные с важными воспоминаниями, привычками, окружающими вещами и предметами. Это вещи «сродные человеку, как бы сросшиеся с его жизнью, домом, повседневностью», способные источать «поэзию семьи и любви, уюта, душевной оседлости, а одновременно – высокой одухотворенности»¹².

Бородаевский, останавливаясь на привлекательных сторонах провинциального помещичьего быта и делая акцент на раскрытии ее мерного течения, создает отдельные зарисовки усадебной жизни. Например, описание охоты:

А уж псари ведут на двор
Коней, – и ты, степной патриций,
Спешись, под завыванье свор,
Чтоб кончить твой вчерашний спор
С ушедшей в камыши лисицей.

¹² В. Е. Хализев, *Теория литературы*, Москва 2000, с. 202.

Или атмосфера дворянских собраний:

Да здравствует задорный треск шаров
И ящики загадочных избраний;
Мундирный блеск и рокот голосов,
Внезапный взрыв призывных восклицаний!

Все, что связано с укоренившимися основами бытия дворянства, особенно дорого автору, поэтому предчувствие разрушения привычного миропорядка вызывает у него чувство грусти и тревоги. Элегические переживания являются реакцией на дисгармонию, следствием осознания, что мир находится накануне исторических потрясений.

Некоторые элегии Бородаевского созданы на скрещении элегических традиций. Так, в элегии *Порвался мертвый полог забытья* Бородаевский, обращаясь к внутреннему миру героя и показывая горькое осознание им потери идеалов в столкновении с жизненными бурями, признает невозможность их утверждения в будущем:

А там? Бессилен мозг. Душа молчит.
Разбились, выпали божественные звенья.
Я перья глажу... Нет, крыло не полетит!
Лишь маятник из глубины стучит,
Да серым пеплом сыплется забвенья.

Герой переживает ощущение «бескрылости» – «разбитые крылья», «крыло не полетит». Размышление, ставшее предметом изображения в стихотворении, – это уже не элегическая жалоба на жизнь, а исследование собственной души, когда неудовлетворение собой вызывает гораздо большие мучения, чем разочарование во внешнем мире. Эмоция в данном случае предельно субъективна. Подобные настроения характерны и для лирического героя Боратынского. Боратынский близок Бородаевскому серьезными, тревожными раздумьями о мире и человеке в нем, о вере и истине, о счастье и гармонии. В его элегии *Притворной нежности не требуй от меня* раскрываются переживания лирического героя:

Верь, жалок я один. Душа любви желает,
Но я любить не буду вновь;
Вновь не забудусь я: вполне упоевает
Нас только первая любовь¹³.

Эмоционально-оценочное «жалок» точно отражает состояние души героя: жалок оттого, что душа по-прежнему «любви желает», а реальная жизнь это чувство перечеркнула. Лирический герой познал «науку предательства»,

¹³ Е. А. Боратынский, *Стихотворения*, Москва 1983, с. 109.

испытал разочарования. Таким образом, в стихах обоих поэтов наблюдается не конфликт, а смирение, последовавшее за разочарованием, герой в этих произведениях допускает «судьбины полную победу». Такая же особенность присутствует и в элегиях Лермонтова, где «трагичен не весь мир и род человеческий, как это было у ранних романтиков [...] трагично конкретное человеческое существо, конкретное элегическое Я»¹⁴.

Одной из составляющих элегического жанра является пейзаж. Как писал В. К. Кюхельбекер,

Прочитав любую элегию Жуковского, Пушкина или Боратынского, знаешь все [...] Картины везде одни и те же: луна, которая – разумеется – уныла и бледна, скалы и дубравы, где их никогда не бывало, лес, сто раз представляют заходящее солнце, вечерняя заря; изредка длинные тени и привидения, что-то невидимое, что-то неведомое [...] ¹⁵.

Элегии Бородаевского также наполнены традиционными образами, составляющие пейзажа – это, как правило, «сумрак предрассветный», «сумрак глубин», «сизые туманы», «закатный час», «пустынные поля». Чаще всего поэт обращается к пейзажу вечернему или ночному.

В творчестве Бородаевского ощутима ориентация на произведения Ф. И. Тютчева. Тонкое и глубокое понимание его образности в частности и целом находили отражение в произведениях Бородаевского. Например, связь с тютчевской традицией прослеживается в стихотворениях, включающих образ грозы. У Бородаевского, как и у Тютчева, гроза «над миром» есть акт действия мировых природных сил, но у Тютчева гроза – выражение праздника природы, радости, а у Бородаевского – «зловещее» предупреждение. У Бородаевского сильнее, чем у Тютчева, символическое звучание образов. Например, изображение летней грозы в произведении *Гремели, ослабев, и множились трикраты*:

Гремели, ослабев, и множились трикраты
Над сводами туманных, синих чаш
Еще зловещие, последних битв раскаты,
И в ключьях багровел простертый в небе плащ.

В создании картин природы поэта увлекает динамика взаимоотношений, разнообразие мира земного и небесного: *ударил гром; на колеснице окрыленной летит гроза; и ливень, брошенный для варварских побед, поникшими полями встречен; гром гремит, как ярый лев, гремит и бьется о стремнины*. Образ грозы неоднократно встречается в стихах, например, приближение грозы в *Тучах*:

¹⁴ А. Ю. Нилова, *Жанрово-стилистические традиции в лирике М. Ю. Лермонтова*, Петрозаводск 2009, с. 94.

¹⁵ В. К. Кюхельбекер, *Декабристы*, [в:] *Эстетика и критика*, Москва 1991, с. 255.

Есть тучи бурые, как стая злых гиен,
Косматых, мстительных и никогда не сытых,
С промозглым холодом струящих гробный тлен
Своих дыханий ядовитых.
Они приходят в дни грозой чреватых лет,
Когда разгул стихий так хмелен и беспечен,
И ливень, брошенный для варварских побед,
Поникшими полями встречен.

Поэтом найдены неожиданные метафоры и сравнения, описывающие ярко и зримо приближение грозы. Тучи, «струящие гробный тлен», представляются автору «стаей злых гиен» с «оскалом злых клыков», «ливень, брошенный для варварских побед», «встречен поникшими полями». В создании грозы передается не только зрительная, но и звуковая картины:

Ударил гром. В ночи бездонной,
Раскрыв пурпурные глаза,
На колеснице окрыленной,
Как фурия, летит гроза.

Кроме того, Бородаевский воспроизводит картины природы в плане мистической символики. Реальная действительность почти неощутима. Пейзаж, как правило, условно-декоративный: туманы, сумерки, полумрак. В призрачной полутьме, в предрассветном мраке движутся тени, силуэты, что-то неразличимое:

По улицам извилистым, как расщелины скал,
Как узкие расщелины, жилища горных фей,
Ночами полнозвездными один я блуждал
Среди домов торжественных, где не было людей.

Земной пейзаж постепенно перерастает в пейзаж метафизический, таким образом, демонстрируя соотношение земного и небесного, человеческого и Божественного. За красотой мира земного для поэта скрывается истинная красота мира Божественного, где «в опрозраченном звоне» можно услышать «серебряный голос Небесной Царицы». «Небесная Царица» – образ, проходящий сквозь все поэтическое наследие Бородаевского: символ Красоты и Вечной Женственности, то есть символ высшей реальности, подчерпнутый в философии В. С. Соловьева:

И над озером тихим, где тянутся братские тони
И огромными хлопьями падают белые птицы,
По-над рокотом пенистых волн, в опрозраченном звоне
Ты услышишь серебряный голос Небесной царицы.

Итак, в рамках данной статьи было возможно рассмотреть освоение и развитие Бородаевским элегического жанра лишь на отдельных примерах,

отразивших духовно-нравственные ориентиры поэта, его глубоко бережное и одновременно творческое отношение к элегическим традициям. При очевидной близости к символизму рамками этого направления художественный мир Бородаевского не ограничивался: для него характерна эклектичность, проявлявшаяся в попытке объединения художественных систем, которые восходили к различным поэтическим и философским школам. Следует отметить, что Бородаевский не остается в пределах классических элегических традиций. У него можно обнаружить лишь их «начало», развившееся самобытно, впитавшее в себя и другие «поэтические соки», что, по оценке Н. С. Гумилева, «делает его творчество глубоко индивидуальным, несмотря на заметное влияние Тютчева, Фета и Вяч. Иванова»¹⁶.

Irina Mikhailova

Elegiac Traditions in the Poetry of Valeryan Borodayevsky

(Summary)

The article is devoted to the elegiac tradition in the works of Valeryan Borodayevsky, a poet of the Silver Age. The peculiarity of Borodayevsky's elegy is pointed out and connections with the elegies of Yevgeny Baratynsky and Fyodor Tyutchev are traced. The article brings the first research of the subject.

Keywords: Valeryan Borodayevsky, eclecticism, religiousness, spiritual world, elegy.

¹⁶ Н. С. Гумилев, *Письма о русской поэзии*, Москва 1990, с. 85.